

Впереди у жнецовъ оставалась цѣлая ночь; было когда обсудить—что предпринять и дѣлать.

Сонъ укрѣпилъ и успокоилъ ихъ, а съ утренней зарей они длинною вереницею шагали по глухой дорожкѣ, пробираясь на ковылловскій участокъ.

„Утро мудренѣе вечера“, и точно—сколько ни разсуждали съ вечера, а проснувшись утромъ, увидѣли, что прежде всего необходимо выручить „по ошибкѣ“ увезенные паспорта.

Прослѣдимъ ужъ и мы за ними до конца.

Пришли рабочіе на ковылловскій участокъ и никакой другой партіи въ 500 человекъ, разумѣется, не встрѣтили и не видали: на другой-де участокъ отправлена она, сказали имъ. Начался было опять шумъ, но никакого прока изъ этого не вышло, а когда дѣло дошло до угрозъ и очень не шуточныхъ, то у Ивана Терентьича въ запасъ оказался великій укротитель несговорчивыхъ людей, въ видѣ боченка съ водкой. Выпили по чарочкѣ, по другой и сдѣлались поуступчивѣе. У рабочихъ словно повязка съ глазъ спала и они только сейчасъ одумались, что забравшись въ даль отъ наемныхъ пунктовъ, имъ выбирать не изъ чего, пришлось остаться и жать по 10 руб. за десятину.

Отработали что слѣдовало, пришли получать плату и, вмѣсто 10 руб., получили меньше 8-ми за десятину.

Опытный по хозяйственной части Иванъ Терентьичъ объяснилъ все дѣло простымъ недоразумѣніемъ со стороны рабочихъ. Оказалось, опять при помощи того же боченка, что пензенскіе жнецы ведутъ совсѣмъ не такой счетъ хозяйственный десятинѣ, какой введенъ въ употребленіе Гольцовымъ; его-то десятину нѣсколько побольше.

— Да, —назидать на прощаньѣ жнецовъ Иванъ Терентьичъ: — у насъ здѣсь своя мѣра—степная. Напредки—знайте объ этомъ.

И пошли они, солнцемъ палимы,

Повторяя: „суди его Богъ“!..

XII.

Почти всегда такъ бываетъ, что наемъ рабочихъ косцовъ или жнецовъ сопровождается выпивкою, иногда на счетъ нанимателя, если онъ изъ щедрыхъ, или когда наниматель скупенекъ и „баловать“ рабочихъ не любитъ, они выпиваютъ за свой счетъ, складывая, въ чайніи великихъ заработковъ, послѣдніе гривны и пятаки. Гривенъ и пятаковъ набирается, должно быть, очень не